

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

БОТЫ
ДЛЯ
НОЧНОГО
эльфа

Елена и Ирка

Елена Логунова
Боты для ночного эльфа

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Боты для ночного эльфа / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2017 — (Елена и Ирка)

ISBN 978-5-04-088593-0

Нет ничего обиднее жить в курортном городе и трудиться не покладая рук! Елена, которая скучает без криминальных приключений, готова даже взять больничный на основном месте работы в парке развлечений, только бы распутать весьма странное дело. Кто-то регулярно пытается ограбить квартиру подруги Ирки. Злоумышленники жестоки и коварны, они не щадят даже управляющую апартаментами, так не вовремя оказавшуюся в Иркином жилище. Появляются и первые улики – преступники носят войлочные боты. Кажется – игнорируй шлепанцы, лови граждан в ботах! Но все совсем не так просто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088593-0

© Логунова Е. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

День первый	6
День второй	15
День третий	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Логунова

Боты для ночного эльфа

© Логунова Е.И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

День первый

Никогда не знаешь, что появится из портала.

Порталы – они такие непредсказуемые!

Нет бы в качестве предупреждения вывесить сигнальную надпись сияющими рунами: «Внимание! Грузовой портал: из Подгорья в Средиземье следуют восемь гномов и телега с рудой мифрила. До открытия 30 секунд» – и «обратный отсчет запустить».

Так нет же, внезапность – неперенное коварное свойство порталов.

Восемь гномов из Подгорья запросто могут вывалиться вам на голову, руда из телеги накроет всю кучу-малу мощным градом, а на образовавшийся курган аккуратно ляжет перевернутая телега.

Не зря народная мудрость содержит целый пласт ругательств, посвященных порталной магии.

Хотя на сей раз из портала прилетел всего лишь кирпич.

Не тяжеленная телега с рудой и группой упитанных гномов, конечно, но и одинокий перелетный кирпич – штука неслабая. Особенно если он прилетает аккуратно в незащищенное темечко.

– Тюк! – провозгласил кирпич в ознаменование случайной, но судьбоносной встречи.

– А-а-а? Х-х-х-х... – выдохнул маньяк, плавно оседая к ногам несостоявшейся жертвы.

– У-и-и! – поросеночком взвизгнула Дина.

Визг получился восторженный.

Во-первых, перелетный кирпич появился очень вовремя. Дина уже вякнула прочувствованное, но недостаточно громкое «помогите» и даже успела подумать, что никто-то ее не услышит и тем более не спасет.

Темной ночью в глухих закоулках неухоженных городских парков благородные рыцари-спасатели не гуляют, не те им тут декорации. А вот маньяк в заранее растянутых штанах сливается с кустами, как заправский хамелеон – до поры до времени, пока не появится дурочка, решившая срезать путь домой через парк.

Так что внезапное появление на сцене кирпича Дине следовало встретить овациями.

Кроме того, кирпич был очень красивый.

Дина брезгливо отпихнула тело маньяка (он красивым не был) и наклонилась, разглядывая благородный спасительный кирпич.

Раза в два поменьше обычного силикатного, полупрозрачный, золотисто-голубой... Опал?!

– Ничёси! – воодушевленно вскричала Дина и быстро огляделась в поисках своей сумки.

Она упала с девичьего плеча в момент контакта с маньяком, но в неравной борьбе не пострадала.

Дина достала из сумки влажные салфетки и тщательно вытерла ими опаловый кирпич. Испачканные салфетки она скрутила в тугой комочек и затолкала его поглубже в боковой карман джинсов, а уже чистый кирпичик положила в контейнер, в котором носила на работу обед. Камень прекрасно поместился в пластиковую коробку, а та – в сумку.

На обочине дорожки Дина подобрала похожий по форме и размеру обломок тротуарной плитки и, брезгливо кривясь, аккуратно повозила им по темечку маньяка, пропускающего все самое интересное. Плитка ожидаемо окрасилась кровью. Дина удовлетворенно кивнула, отбросила испачканный камень в сторону (недалеко, чтобы полиция недолго искала ее оборонительное оружие) и по мобильному телефону маньяка вызвала патруль.

Ее собственный телефон разбился, упав на землю – Дина выронила его, когда споткнулась, увидев призрачно белеющие в кустах полушария голого зада.

Обнаженные мужики встречались на ее жизненном пути не настолько часто, чтобы такой вид уж вовсе не впечатлял.

Хотя зад у маньяка был очень так себе, тощеватый...

Я поставила троеточие и потянулась, едва не заехав кулачком в глаз любопытной подружке Ирке, незаметно подкравшейся, чтобы из-за моего плеча заглянуть в новую рукопись.

– Ой, прости! – извинилась я. – Не задела?

– О, нисколько, мне тоже ни капельки не нравятся худосочные мужские задницы, – добродушно отмахнулась Ирка. – Я вижу, у нас тут новая героиня? И какая же она?

– Еще не знаю, не определилась, – сказала я честно и закрыла ноутбук, понимая, что дальше работать не получится. – Я, как видишь, пока только первую страницу написала.

– А давай она будет зрелой красавицей в некрасовско-рубенсовском стиле? Такой, знаешь, дамой с крупными формами и твердым характером, легко укрощающей бешеного мустанга на фоне горящей избы? – предложила подружка, горделиво покосившись на створку распахнутого окна.

За работой я и не заметила, как стемнело, и теперь черное стекло, как зеркало, отражало комнату и нас с Иркой в ней.

– С толстой рыжей косой, бюстом пятого номера и попой слоновьим сердечком? – уточнила я, оглядев самовыдвиженку в героини.

– Да, да, с попой в виде большого доброго сердца! – Ирка любовно огладила себя по указанному месту.

– Селсе? – донеслось из коридора. – Жаленое?

Тон был не столько вопросительный, сколько требовательный.

Я потянулась к блокноту и записала роскошное выражение «ужаленное сердце» на страничку с заготовками. Мало ли, вдруг я любовный роман писать надумаю.

– Манюня хочет жареных куриных сердечек? – засюсюкала Ирка, устремляясь на перехват своим отпрыскам.

Их у нее двое – близнецы почти трех лет от роду, в кругу родных и близких известные как Манюня и Масяня.

Раньше мы называли Масяней моего собственного сынишку, но с тех пор, как ему стукнуло десять, старое доброе прозвище донашивает Иркин мелкий. Один из двух. Я постоянно путалась, который именно, пока младенцы не заговорили, по-братски поделив дефекты речи. Я запомнила, что Манюня не выговаривает «р», а Масяня – «л», и благодаря этому кое-как их различаю.

Надеюсь, Ирка еще не скоро сподобится отвести пацанов к логопеду, иначе тот порушит мою систему распознавания.

– Корбаса! – хмурым басом произнесли в коридоре.

– Масяня хочет колбаски? – заворковала любящая мать. – Идем, идем к тете Лене, у нее наверняка есть вкусная колбаска.

– А селсе? – спросил второй – совершенно не отличимый от первого – хмурый бас.

– А сердца у тети Лены нет! – сказала я громко, чтобы все услышали. – Она бессердечная и колбасу свою вкусную разным проглотам скармливать не собирается! Что вы за люди, Максимовы? Сами покупаете только здоровую еду, а трескаете мою вредную!

– Жадина, говядина, соленый огурец! – уличила меня подруга, бесцеремонно распахивая мой холодильник.

– Хоть соленые огурцы не трогайте! – взмолилась я. – Я на завтра оливье планировала.

– Агулец!

– Сорёный!

– Обжоры!

Я сдалась.

Ирка быстро произвела раздачу огурцов, и с полминуты тишину нарушали только сосредоточенное чавканье и смачный хруст.

Потом прозвучало требовательное:

– Оливье?

– Оревуар вам, а не оливье, оглоеды! – рассердилась я. – Максимовы, вы на часы смотрели? Уже десять с копейками, разным мелким гаврикам давно пора спать! А ну, заканчивайте разбойничий промысел и идите к себе, я еще поработать хотела.

– Папа на лаботе, – с тоскливым вздохом сообщил один из мелких разбойников.

– Счастливый! – Я тоже вздохнула, но завистливо.

Неделю назад Ирка с семьей приехала в Сочи, где я работаю уже год, на летний отдых, и все мы радовались, как удачно получилось, что съемная квартира по соседству с моей как раз свободна для долгосрочной аренды.

Восторг алхимическим образом превращался в полную свою противоположность. Это продолжалось примерно неделю.

По истечении этой недели мои муж и сын единодушно решили, что обязаны срочно отправиться с длительным визитом к деду в Крым, а Иркин супруг Моржик, не имеющий в иных курортных районах подходящего для стратегического отступления дедушки, банально дезертировал домой в Краснодар под предлогом срочной и важной работы.

Вся роскошь человеческого общения с подругой и ее потомками досталась мне одной. Я, несчастная, никуда не могла убежать, потому что по долгу службы должна была пиарить сочинский парк развлечений, где лето – во всех смыслах горячая пора.

На мое счастье, утром, когда я убегала на работу, Ирка с гавриками еще спала. А вот вечером открутиться от совместного времяпрепровождения получалось только в том случае, если удавалось незаметно прокрасться к себе и сидеть тихо-тихо, как слепоглухонемая и парализованная мышка.

К сожалению, звукоизоляция в доходном доме оставляла желать лучшего, и пребывать в квартире, вовсе не производя предательских шумов, у меня не получалось. Масяня же и Манюня отличаются сверхчеловеческим аппетитом и таким же слухом – чертовски неудачное сочетание! Даже на тихий звон посуды и аккуратный хлопок дверцей холодильника они реагируют, как две хорошо обученные полковые лошади на звук сигнальной трубы.

– Ладно, малыши, уходим к себе. – Ирка, а-ля гаишник помахивая палкой конфискованной у меня копченой колбасы, выгнала деток из моей студии. – Тетя Лена, не сучай, я еще зайду тебя навестить!

– С колбасой, пожалуйста! – нервно покричала я ей вслед, сообразив, что в итоге краткого светского визита осталась без ужина.

А если бы они задержались, нашли бы и мой НЗ в виде плитки шоколада под диванной подушкой.

Опасливо косясь на дверь, я вытянула сладкую захоронку и развернула шоколадку, стараясь сделать это так незаметно и тихо, как не старалась даже на премьере в Большом театре, сидя в первом ряду.

Мой сын утверждает, что знает, почему меня называли Алёнкой – в честь знаменитой шоколадки, разумеется!

Улыбнувшись, я положила в рот кусочек лакомства и сладострастно замычала.

Напрасно. Не закрыв дверь на ключ, засов и цепочку, нарушать режим молчания не стоило.

– Шокорад! – горестно и торжественно, как распорядитель похоронной процессии, объявил обиженный в лучших чувствах и ожиданиях детский бас.

– Чего тебе, малыш? – неискренне ласково поинтересовалась я, пряча початую сладкую плитку за спину.

– Шокорад! – повторил ребенок, с разбегу штурмывая диван.

– Ирка! – взвизгнула я.

– Ленка, ты с ума сошла, кормить ребенка на ночь шоколадом! – возмутилась мгновенно материализовавшаяся подруга.

Она бестрепетно выхватила у ребенка шоколадку, бестрепетно отнятую им у меня, и я удрученно подумала, что наследственность – это великая вещь.

Надеяться отнять шоколадку у Ирки не стоило.

Не родился еще тот сумоист, который одолел бы шестипудовую зрелую красавицу некрасовско-рубенсовского типа в борьбе за что пожарить.

Я вымыла руки, почистила испачканный коричневым диван и с надеждой устремила взгляд в окно.

В нашем курортном местечке желания отдыхающих – закон, а чего праздный человек страстно желает ближе к ночи? Употребить перорально чего-то вредного, конечно же!

В родных широтах русский люд совершает полночный марш-бросок к фамильному холодильнику, а на курорте идет в шашлычную, хачапурную, чебуречную или хинкальную. У нас в центре Адлера вся эта гастрономическая экзотика заполняет прорехи мироздания так плотно, что прямо с крыльца подъезда можно непринужденно рухнуть в гостеприимно пылающий мангал.

То есть положить чего-нибудь на зуб не проблема, были бы денежки...

И они у меня есть...

Но вот беда: я живу на шестом этаже, а лифт наш шестой же день – такая вот гармония – не работает.

Ползти за чем-то вкусненьким по лестнице вниз, а потом еще и вверх решительно не хотелось.

Однако лень – мать не только всех пороков, но и большинства изобретений.

К тому моменту, когда Ирка уложила своих стойких оловянных солдатиков и вернулась ко мне, торжественно неся за хвостик, как дохлую мышку, несущественный колбасный огрызок, я уже придумала, что делать, и встретила подругу лобовым вопросом:

– У тебя есть веревка?

Вопрос не имел характера случайного и задан был не кому попало: наша Ирка чертовски запаслива.

Если все остальные люди произошли от обезьяны, то Ирка – от бойкого зверька с загребущими лапками, защечными мешками и наглой рыжей мордой. Я уверена – в допотопные времена на земле точно существовали Гигантские Саблезубые Хомяки.

– Сколько метров, какой толщины? – ничуть не удивившись, уточнила Гигантская Хомячиха мой заказ на веревку.

И даже мыло не предложила, значит, по-прежнему верит в мой природный оптимизм.

– А сколько от моего подоконника до земли? – задумалась я. – Метров пятнадцать?

Ирка подняла глаза, пробормотала «потолки два двадцать на пять плюс метр двадцать и цоколь» и уверенно ответила:

– Тринадцать с половиной от силы.

Она по первому образованию инженер-строитель, так что в подобных вопросах для меня, филолога, безусловный авторитет.

– У тебя есть тринадцать метров веревки? – Я уточнила запрос. – Не очень толстой, годится обычный бельевой шнур.

– Подниматься или спускаться?

– Сначала спустить, потом поднять.

Я оценила недоверчиво-заинтересованное выражение лица подружки и досадливо уточнила:

– Да не меня!

– А кого? – Подружка заблестела глазками. – У тебя завелся романтический поклонник в суперлегком весе?

– Как ты могла такое подумать?! Не оскорбляй меня гнусным подозрением, я верная супруга и добродетельная мать!

– Тогда кого же ты будешь спускать и поднимать? – Ирка зарифмовала вопрос и показательно задумалась.

Я не стала ей мешать: пусть пошевелит мозгами, пока в борьбе с памперсами не деградировала как мыслящее существо.

– Ты надумала втайне от владельца апартаментов завести кошку? – предположила подружка.

– Холодно, – оценила догадку я.

Хотя и вполне логично, если вдуматься. При наличии домашних питомцев стоимость аренды жилья в нашем доме существенно возрастает, так что, надумай я обзавестись глубоко законспирированным четвероногим другом, смелая идея секретно выгуливать его в стиле десантника-парашютиста меня непременно посетила бы.

– Собачку? – выдвинула новую версию подружка.

– Теплее.

Ирка непроизвольно пошевелила пальцами, рисуя в воздухе смутный силуэт кого-то более близкого к собачке, чем к кошечке, озадаченно поморгала и махнула рукой:

– Ладно, сдаюсь! Для кого веревочка?

– Для шашлыка, – призналась я.

– Это имя животного?

– Это печальная судьба самых разных животных. – Я вздохнула. – Но человек в моем лице слаб, прямо сейчас я хочу жареного мяса, поэтому собираюсь позвонить Артуру Хачатуровичу.

– И-и-и?

Ирка выглянула за окно и приветливо помахала далекой фигурке в белом – уже знакомому нам шашлычнику Артуру Хачатуровичу.

– И он отгрузит нам полкило шашлыка в пакет, который мы спустим вниз на веревочке, положив в него предоплату наличными, – объяснила я свой смелый план.

– Гениально! – обрадовалась подружка. – Только позволю внести две поправки: во-первых, не полкило шашлыка, а килограмм, ибо ты тут не одинока в своей внезапной страсти к жареному мясу.

– А во-вторых?

– А во-вторых, я предлагаю исключить из этого смелого плана веревку. Чтобы получить тринадцать метров веревки, придется порвать на полосы целую двуспальную простыню, а это дорого и долго. Я могу придумать кое-что получше. А ты?

Теперь уже подружка коварно усмехнулась, побуждая меня пошевелить мозгами.

– Ммм... В ближайшем магазине игрушек продают квадрокоптеры, теоретически вполне можно поднять шашлык на шестой этаж с помощью радиоуправляемой игрушки...

– Это могучая идея, – уважительно оценила Ирка. – Возможно, в будущем мы ее реализуем, но пока я мыслила менее смело и технологично: давай используем резинку!

– Резинку?

Я скосила глаза на кончик подружкиной косы, удерживаемой означенным аксессуаром.

– Да не такую, не для волос! – захихикала Ирка. – Обычную бельевую резинку! Ее и меньше понадобится, чем веревки, – она же растягивается, так что как раз хватит десяти метров.

– У тебя при себе есть десять метров бельевой резинки? – неподдельно восхитилась я. – Максимова, да ты хомякус гигантус!

– Просто у меня в доме три мужика, и все они предпочитают модным плавкам классические сатиновые семейники, так что стратегический запас резинки для трусов всегда со мной, – похвасталась подружка и порысила к себе за ценным ресурсом.

Через пять минут она вернулась с мотком резинки в одной руке и пустой картонной коробкой из-под торта в другой.

Коробку мы положили в пакет из супермаркета, к ручке пакета привязали резинку, а картонку утяжелили камнями из коллекции, собранной моим ребенком на подоконнике.

Экс-Масяня у нас латентный геолог и большой ценитель природной красоты в виде обкатанных морем необычных голышей.

– Этот не бери, второй такой фиг найдешь!

Я отняла у Ирки редкий булыжник в виде полосатого огурца и положила вместо него несколько камней, похожих на куриные яйца:

– Достаточно?

– Думаю, да.

Подружка покачала в руках потяжелевшую коробку и потеснила меня у подоконника:

– Звони Хачатуровичу, договаривайся о поставке, я уже готова поработать лебедкой.

И она негромко, но с искренним чувством запела, явно путая лебедку и лебедушку:

– А-а-а белый ле-е-бедь на пруду! Таскает нам с тобой еду!

Я забыла сказать – Ирка у нас доморощенная поэтесса.

Из-за тотальной косности издателей широкие читательские массы еще не имели счастья оценить ее произведения, но подружку это не обескураживает, и она продолжает творить.

И тырить.

Слямзить у кого-нибудь одну-другую бессмертную строчку Ирина Максимова считает делом добрым, искренне полагая, что для сооружения барьера на пути напирającego варварства и бескультурия классические строительные материалы особенно хороши.

– Тальков не стал бы петь о еде, – привычно покритиковала я спонтанное творчество поэтессы-плагиаторши.

– Тальков смолчал и был таков! Тальков не любит шашлыков! – на тот же мотив напела подруженька.

Я только рукой махнула – горбатого стихоплета могила исправит!

Артур Хачатурович меж тем воспринял мою странную просьбу как совершенно нормальную. Получив стопроцентную предоплату, он готов был отгрузить шашлык хоть в коробку на веревочке, хоть прямо в рот заказчику.

– Тяни потихоньку, не дергай, – предупредила я подружку, добровольно вызвавшуюся в бурлаки.

– Не учи ученого, я дипломированный инженер!

Подруга символически поплевала на ладошки и крепко взялась за резинку для трусов и шашлыков.

В это время в точно такой же, как моя, однокомнатной студии, только на третьем этаже нашего дома разворачивалась локальная драма.

Супруги Вондриковы, арендовавшие скромное временное жилище в доходном доме на период летнего отпуска, в одностороннем порядке выясняли непростые отношения.

– Как можно в такой прекрасный летний вечер сидеть дома у телевизора? – вертась у зеркала в прихожей, возмущалась Клавдия Вондрикова. – Не понимаю, какое в этом удовольствие?

Геннадий Вондриков размеренно и неторопливо загружал в рот чипсы, со вкусом запивал их пивом и благоразумно помалкивал, опасаясь спугнуть назревающее тихое счастье: по всему было видно, что жаждущая публичных увеселений Клавдия вот-вот психанет и убежит на променад, оставив своего ленивого и косного супруга в объятиях мягкого кресла и в необременительной компании телевизора.

– Тебе бы только жрать и пить, пить да жрать! – нажала Клавдия, все еще надеясь расшевелить аморфного Геннадия. – А что жена-красавица одна в потемках гулять будет, тебя не волнует! А если на меня маньяк нападет?

Не поддаваясь на провокацию, Геннадий невозмутимо поднял бутылку и пробулькал что-то подозрительно похожее на «Сам нападет, сам пусть и обороняется».

– Гена! Ты меня слышишь? Я уйду! – покричала Клавдия и распахнула наружную дверь.

Моментально возникший сквозняк просторным флагом выдул в окно длинную тюлевую занавеску.

– Я уйду! – не закрывая дверь и оставаясь на месте, повторила Клавдия и демонстративно поцокала каблуками.

Полупрозрачное белое полотнище за окном распростерлось параллельно далекой земле.

– Дзынь! – звякнул мой мобильник.

Подготовив наш заказ к транспортировке, Хачатурович прислал мне сигнальную эсэмэс: «Ест».

Армянский дедушка, наверное, имел в виду слово «есть», означающее полную готовность, но Ирка все-таки забеспокоилась: а вдруг наше мясо учуяла какая-нибудь собачка, и это она сейчас «ест»?!

Отдавать незнакомому бобику наши харчи подружка не собиралась.

Она дернула за веревочку и...

Знаете, резинка для трусов – штука дивно отзывчивая!

Одно смелое движение нежной женской ручки – и бельевая резинка, сладострастно содрогнувшись, подбросила вверх закрепленный на ее конце пакет эффектным рывком.

Достигнув призрачной горизонтали, обозначенной распластавшейся в воздухе занавеской, пакет смял ее и повлек с собой, уверенно превращая полупрозрачную плоскость в интригующе растущую выпуклость.

За минуту до этого в типовой квартире-студии на четвертом этаже десятилетний Васька закончил пересказывать восьмилетней Катке и шестилетней Нюрке сюжет страшного голливудского кино про призраков и теперь откровенно наслаждался видом испуганных сестриц.

Впечатлительные барышни поджали к подбородку коленки, обняли их руками и крупно вздрагивали, выжимая дополнительно пугающие скрипы из панцирной сетки кровати.

– А вот еще история про привидение, стра-а-ашная и ужа-а-асная, – загробным голосом начал Васька, незаметно нашаривая под подушкой очки для плавания, старательно вымазанные люминесцентной краской.

Светящуюся в темноте краску Васька сам тайно сделал из хвойного концентрата и порошковой борной кислоты. Дело-то нехитрое, предприимчивому парнишке вполне по плечу.

– Однажды две ма-аленькие девочки остались дома ночью без родителей, – зловеще начал юный искусник. – Уходя, мама велела им: «Закройте, девочки, все окна, задержите все занавески», а девочки ее не послушались, потому что им было жарко, и оставили одно ма-аленькое окошко открытым. И вот наступила ночь, посмотрели девочки в окно...

Катька и Нюрка, как загипнотизированные, синхронно повернули головы к окну.

Пользуясь моментом, Васька спешно приладил на лицо фосфоресцирующие окуляры и ликующе договорил:

– И увидели жуткое привидение!

– А-а-а-а! – дуэтом завизжали девочки.

– Сюда смотрите! – досадливо потребовал Васька, жаждущий продемонстрировать сияющие очи.

– Привидение! – завопила Катька.

Васька привстал и открыл рот, увидев за окном гигантскую полупрозрачную медузу.

– Ч-что эт-то?

– Страшное привидение! – поддержала Катьку Нюрка.

– А-а-а! – завизжал Васька.

– А-а-а! – взглянув на Ваську, завизжали Катька с Нюркой.

– Кто там орет как резаный? – поморщилась Ирка и дернула резинку, как удочку.

Страшное привидение рвануло ввысь.

Маскировочная занавеска соскользнула с никем не опознанного летающего объекта и плавно пошла вниз.

Я ловко – в прыжке – выхватила из воздуха увесистый пакет, взлетевший выше моего роста.

– Все, Гена, я ушла! – объявила мужу рассерженная Клавдия и наконец вышла, захлопнув за собой дверь.

Перепуганные дети в квартире на четвертом этаже дружно моргнули.

Беглая занавеска сама собой вползла в законный оконный проем на третьем этаже.

Привидение бесследно исчезло.

Мы с Ирккой высунулись в окно и напоролась на шесть остекленевших детских глаз.

Мне стало зябко.

Дети смотрели вверх пристально и недобро, как три двустольных зенитных орудия. Я мигот почувствовала себя вражеским «мессером» в перекрестье прицела.

– Вы чего? – опасливо спросила Ирка.

Детские головы втянулись в окно, громко стукнула рама, со скрежетом съехались шторы.

– Очень странные дети, – заметила Ирка и поежилась. – Пойдем-ка мясо есть, пока оно не остыло.

– Тиш-ш-ше! – шикнула я.

Поздно.

Дверь затряслась под напором пары мелких, но решительно настроенных демонят, вызванных волшебным заклинанием «есть мясо» и сопутствующим ему волшебным ароматом.

Все дети очень не любят спать, но некоторые еще и очень любят есть...

Я вздохнула.

– Не волнуйся, они все не слопают, – успокоила меня Ирка, увидев мое вытянувшееся лицо.

– Думаешь, не смогут? – не поверила я.

– Смочь-то они смогут, да кто же им даст! – отозвалась суровая мамаша, отпирая дверь.

Масяня и Манюня сдвоенным торнадо промчались к столу и с разбегу вцепились в шашлык. Я наплевала на мамино деликатное воспитание, последовала примеру деток и тоже ухватила по куску мяса в каждую руку – в большой семье клювом не щелкают!

А в такой семье, как у Максимовых, один щелчок клювом засчитывается за добровольный отказ сразу от трех блюд. Очень невыгодный курс щелчков клювом в этом семействе!

На этот раз мяса не хватило самой Ирке, которая некстати отвлеклась на телефонный звонок. Не ответить она не могла, так как звонил ее любимый муж Моржик, причем по важному делу.

Один из дорогих клиентов принадлежащей супругам Максимовым фирмы «Наше семя» сделал срочный заказ на посадочный материал.

– Муханцову внезапно и неотложно понадобились саженцы лимонов, мандаринов, кумквата и, не побоюсь этого слова, фейхоа! – досадливо объявила подружка, закончив разговор с благоверным.

– Фруктовые саженцы, сейчас? За полчаса до полуночи? – прожевав, уточнила я, удержавшись от того, чтобы выразительно покрутить пальцем у виска лишь потому, что у меня руки были жирные. – Да пошли ты этого Муханцова... в дендрарий!

– В дендрарии дорого, у нас маржи не будет, а это мне невыгодно. Ничего не поделаешь, надо ехать в Гагры, – решила Ирка. – Есть у меня там знакомый дедушка-садовод...

Я уже говорила, что она не только запасливая, но и экономная?

– В Гагры, сейчас? За полчаса до полуночи? – повторила я, на этот раз все-таки покрутив у виска.

– Мандалины, – прищурился один Иркин рыжик.

– Римоны, – поддакнул второй.

– И фейхоа, – договорила я сама, опасаясь, что детки с дефектами речи исковеркают название невинного растения до неприличия.

– Поехали, как раз сейчас на пропускных пунктах людей не будет, проскочим границу с разбегу, – решила Ирка.

И мы поехали.

День второй

– Ва-ле-ни-ки! Ва-ле-ни-ки!

– Малыш! – Спросонья я не поняла, какой именно из иркиных однояйцевых ковбоев гарцует по моей кровати. – Побойся бога, ну, какие валенки в знойном августе?

– Ва-ле-ни-ки! Ва-ле-ни-ки!

– Нет у меня тут ни валенков, ни шуб, ни шапок, – я неохотно рассталась с подушкой. – Из согревающего в доме только коньяк, но его я тебе не дам, и не проси.

– Коньяк? – Младой ковбой заинтересовался.

– Но-но! – сказала я строго.

Потом сообразила, что по-ковбойски это означает призыв к активным действиям, и поменяла фонему:

– Ни-ни! Пойдем-ка, я верну тебя мамочке.

Ведя гарцующего дитятю в поводу, я открыла замок, отодвинула засов, вышла в коридор и там обнаружила, что соседская дверь в отличие от моей открыта настежь.

Из дверного проема тянуло вкусным и открывался эффектный вид на Иркину попу в лосинах расцветки «крупный горох», живо напоминающую круп лошади эффектной масти «в яблоках». Усиливая сходство, над горохово-яблочной попой хвостом подрагивали ленты фартука.

Определенно ковбойская тема была сегодня в тренде.

– Проснулась? А мы вареники готовим! Садись завтракать! – Ирка призывно махнула мне шумовкой.

– Ва-ле-ни-ки!

– Ва-ре-ни-ки!

Детишки застучали ложками по столу.

– Ах, вареники! – Я поняла свою ошибку. – Прекрасно, я сейчас присоединюсь к вам, только умоюсь.

Я вернулась к себе, встала под душ, и вместе с его струями меня накрыло запоздалое понимание: а дверь-то моя всю ночь до утра была закрыта и даже заперта!

Как же ко мне попал Манюня? Не влетел же в окошко? Шестой этаж – это слишком высоко для прыжка без батута, а крыльев у Иркиных деток нет, они точно не ангелы!

– А был ли мальчик?

Я усомнилась в крепости своего рассудка.

Может, во сне я учуяла вкусный запах, и мое подсознание подтолкнуло меня к побудке, явив мне столь натуралистичное видение?

– Мне кажется, я слишком много работаю, – пожаловалась я Ирке, садясь за стол.

– Это так, но сегодня, к счастью, у тебя законный выходной, – напомнила подруга.

– Точно, сегодня же суббота! – Я обрадовалась. – Наконец-то! Ну, чем займемся?

– Напряжь! Напряжь! – зашумел ребенок.

– Не хочу я никого напрягать, – отмахнулась я. – Мне этой деятельности в будни хватает...

– Он сказал «на пляж», – Ирка легко перевела с сыновьего.

Она прекрасно понимает оба диалекта этого внутрисемейного языка.

Как почти настоящий местный житель, я знала о существовании поблизости моря – видела его, слышала, даже обоняла, но осызала нечасто. Упускать возможность позагарать не на бегу и намокнуть не от пота было бы грешно, и после завтрака мы дружно выступили в поход на пляж.

До него от порога нашей многоэтажки всего-то метров сто по прямой, но Максимовы всякий раз идут к морю, как в полярную экспедицию, волоча на себе кучу груза.

Три туристические пенки для организации комфортного лежбища, три полотенца, один надувной матрас и два детских круга, большой зонт, набор для песочницы, мяч, сумка с продуктами и разная мелочь, складированная оптом в трещащий по швам пакет, – средства для загара и от него же, салфетки бумажные и влажные, журналы и книжки, кошелек, мобильник и сухое исподнее для всех членов семьи...

Ясное дело, Ирка очень любит ходить на пляж вместе со мной, потому что у меня-то всего имущества при себе – один ключ от квартиры в кармане шортиков. Соответственно на меня можно перегрузить значительную часть фамильного добра потомственных хомяков Максимовых.

Но разворачивать бивуак я им не помогала. Пока запасливая подружка-хлопотунья осваивала побережье, выстилая его пенками встык, я уплыла подальше в море и с полчаса наслаждалась нерушимым покоем.

Потом приплыли водные велосипеды и гидроциклы, и я сдала им акваторию без борьбы. Один хороший долгий заплыв – моя утренняя норма, а лежать на пляже я не люблю.

Натянув на мокрый купальник шорты и майку, я сунула ноги в шлепки и пошла домой.

– Я позвоню тебе, когда мы начнем собираться назад! – крикнула Ирка мне в спину.

Я кивнула, понимая, что без дополнительной тягловой силы она с эвакуацией не справится.

Впрочем, до исхода Максимовых с пляжа было еще полдня – они всегда окапываются на берегу как минимум до обеда.

Я вернулась домой и в тишине и покое валялась на диване, читала и неторопливо ела фрукты, не боясь, что кто-нибудь подбежит и с разгону откусит половину персика.

Редкое удовольствие!

Я позвонила в Крым мужу и сыну, узнала последние новости: оказывается, в душевой летнего домика на участке у деда поселилась лягушка. Пришла и сидит себе, никем не тревожимая.

– Она совершенно нечеловеческой красоты! – восторженно молвил сын и прислал мне фотографию мускулистой квакши цвета хаки.

Она гордо восседала на распылителе душа с видом Чингисхана, вззирающего на покоренные земли с вершины мира.

Я представила, каково это – стоять голышом под душем, каждый миг ожидая падения сверху жабы, и у меня появился веский повод порадоваться тому, что я не поехала в Крым.

Потом позвонила Ирка, и я снова выдвинулась к морю.

Там было жарко: и солнце пекло, и работа кипела. Юные труженики моря Масяня и Манюня, вооружившись пластмассовыми лопатками, энергично меняли ландшафт прибрежной зоны. Судя по яме, которую они уже успели выкопать, ребята планировали вскоре посрамить трудовой подвиг строителей туннеля под Ла-Маншем.

Ирка, не мешая потомкам самовыражаться в землеройном творчестве, в позе лотоса восседала на пенке в компании посторонних детей. Эти были заметно постарше, чем ее собственные, и уже перешли к духовным практикам. Издалека было видно, что Ирка им что-то вдохновенно рассказывает, а дети внимательно слушают.

– Привет, – сказала я, подходя к ним поближе. – Это что у нас за клуб по интересам?

– О! Знакомься, это Катя, Вася и Нюра, они юные любители фэнтези, вот, увидели у меня книжечку и попросили почитать. – Ирка последовательно кивнула на девочку, мальчика, на вторую девочку и, наконец, на томик в мягкой обложке с изображением на редкость фигуристого и сексапильного призрака на обложке. – А это Елена Логунова, дети, она известная писательница и как раз сейчас работает над новым романом в стиле фэнтези!

– А в привидениях вы разбираетесь? – спросил меня мальчик.

– Э-э-э...

Детки смотрели на меня с такой восторженной надеждой, что я не посмела признаться в своей некомпетентности.

– Конечно, Елена прекрасно разбирается в привидениях! – заверила новых приятелей Ирка. – Да ее среди ночи разбуди, спроси, чем отличается обыкновенный неупокоенный дух от злобного полтергейста, и она запросто выдаст четкую сравнительную характеристику!

Я незаметно пнула врунишку в бедро и поспешила добавить:

– Но все мои знания исключительно теоретические. Ну что, собираемся и идем домой? Я лапшу с курицей разогрела.

– Рапша, рапша!

– Кулица, кулица!

Строители подчерноморского туннеля восторженно загомонили, бросая работу.

Я собрала в мешок лопатки с ведерками, Ирка свернула пенки, упаковала полотенца и прочий скарб, впрягла каждого из пацанов, как в хомут, в персональный надувной круг, и мы всем обозом выдвинулись домой.

Вася, Катя и Нюра тоже ушли.

Очевидно, детишки и вправду оказались фанатами фэнтези – одолженную у Ирки книжку они листали на ходу.

– А говорят, что нынешняя молодежь читать не любит! Еще как любит! – порадовалась моя подружка.

Правильную молодежь мы увидели еще раз на фруктово-овощном рынке на подходе к дому. Презрев развалы спелых персиков, арбузов и дынь, дети покупали большую связку чеснока.

– Интересно, а у них дома на обед что будет? – мимоходом заинтересовалась Ирка.

Но ее собственные мелкие, услышав волшебное слово «обед», так ускорились, что нам тоже пришлось сменить размеренную поступь на деловитую рысцу.

Обедали мы с Максимовыми порознь, потому что традиционно не совпадали по температурным режимам.

Ирка и ее отпрыски отличаются морозоустойчивостью, а я, напротив, жаропрочностью. Особой потребности в кондиционере я не испытываю даже при сорокаградусной жаре, тогда как Ирка начинает страдальчески пыхтеть и пугающе задыхаться, едва столбик термометра подползает к отметке «+30». Поэтому она с утра до вечера врубает на полную мощность кондиционер, а окно открывает лишь под утро, когда на улице становится прохладнее.

Я только заглянула к соседям – и почувствовала, что коченею и покрываюсь инеем.

Зимняя сказка летом меня не прельщала, я не сторонник экспериментов с климатом, они вредны для физического и душевного здоровья: сначала тебе вынь да положи прохладу в августе, потом подавай подснежники в декабре – так и сходят люди с ума, зачем мне это надо?

Кроме того, кто где обедает, тот там и посуду моет, и одинокий перекус был мне на руку еще и в этом смысле.

А еще я надеялась на час-другой тишины, но это мое ожидание не оправдалось.

Максимовы меня не беспокоили, зато пришли в гости дети, с которыми мы познакомились на пляже.

Против ожиданий чесноком они вовсе не пахли. Вид у них, аккуратно причесанных и чисто умытых, был самый торжественный, глаза сияли верноподданическим восторгом, возглавляющий делегацию пацан держал в руках мою книжку – как таких прогонишь?

– Прошу.

Я с корнем вырвала из сердца мечту о послеобеденном сне и распахнула дверь для передовой молодежи.

– А мы к вам за автографом! – сообщил Васька и протянул мне пестрый томик моей собственной новой книжки.

– И где успели купить? – приятно удивилась я, чего скрывать, весьма польщенная.

– В ларьке «Роспечати» у бассейна последнюю взяли, – ответила одна из девчонок.

– Кому подписывать? – Я взяла приготовленную предусмотрительными гостями ручку. – Чего желать?

– Всем, – решил пацан. – И всего. Знаете, наши родители часто говорят о нас, что мы звезд с неба не хватаем, так вы пожелайте нам, пожалуйста, схватить звезду!

– Оригинально.

– И еще нарисуйте ее! – попросила Нюрка.

– Кого?

– Ну, звезду!

– Вы же умеете звезды рисовать? – включилась в беседу Катька. – Вы должны это уметь, ведь в Советском Союзе все дети постоянно рисовали пятиконечные звезды!

– И писали на заборах только «Миру – мир», – пробормотала я, вспомнив уже далекое прошлое.

В искусстве рисования коммунистических символов я давненько не упражнялась, но для юных поклонников своего писательского таланта расстаралась, и звезда у меня получилась красивая, большая – хоть на Спасскую башню ее вешай, предварительно раскрасив. Я бы и раскрасила, мне не жалко, но фломастеров дети не принесли, а своих у меня не было.

Мы еще немного поговорили о судьбах современной литературы и роли фэнтези в технологическом обществе, а потом я вручила младым фанатам по персику, и они удалились.

Меня вновь посетила соблазнительная мысль о тихом часе, но ее повторно спугнул стук в дверь.

Я открыла.

На пороге, зевая и жмурясь, покачивалась Ирка.

– Ты чего хотела? – спросила она без предисловия и ввалилась ко мне без приглашения.

– Спать, – сказала я честно и не без зависти, поскольку видела, что подружка чуток подрыхнуть определенно успела. – И не только хотела, но и по-прежнему хочу!

– А чего тогда бродила и скреблась?

Я подняла брови и поморгала.

– Это не ты? – правильно поняла мой скромный миманс подружка. – А кто тогда? Представь, мы спим, и вдруг я слышу зловещий тихий звяк металла о металл...

– Ты обчиталась фэнтези, и тебе приснился бой на мечах? – ехидно предположила я.

– На ключах! Что, я звон благородной гномьей стали от банального скрежета латунного ключа в замке не отличу? – Ирка нервно пробежалась по комнате и, оказавшись у холодильника, машинально открыла дверцу. – О, персики! Мытые? Я шьем-м-м-м?

Риторический вопрос, не получив ответа, превратился в сладострастное чавканье.

– Кто-то двери перепутал, наверное, – предположила я. – Они же тут все одинаковые и почему-то без номеров. Кто-то вышел из лифта не на том этаже, на автопилоте проследовал привычным маршрутом и в результате оказался у двери квартиры этажом или двумя ниже или выше нужной. Хорошо, что замки в дверях разные.

– Хорошо, если ты права, а я вот вижу и другой вариант. – Ирка порывисто запустила косточку от персика в открытое окно. – Нашу квартиру все лето раньше сдавали посуточно, кто-то из предыдущих жильцов мог с преступными целями сохранить или даже специально сделать дубликат ключа, чтобы потом потихоньку обворовывать добрых людей. Ты же зна-

ешь, что такое этот Адлер – натуральный рассадник пороков, криминогенная обстановка здесь накаленная, как камни на пляже!

– Но ты же засунула в ручку двери швабру? – спросила я, не спеша волноваться.

Есть у моей подружки такая милая привычка – в чужих жилищах возводить у двери заградительные сооружения.

Не знаю, чего она уж так боится. В рукопашной схватке наша некрасовско-рубенсовская красавица даже спросонья с легкостью завалит трех богатырей оптом.

– Швабру – нет, но я подперла ручку стулом, – горделиво ответила Ирка. – Однако теперь я буду беспокоиться, что кто-то может проникнуть в квартиру в наше отсутствие. – Она немного подумала: – На самом деле кто-то мог решить, что нас как раз нет дома, потому что в квартире было тихо, мы спали.

Я тоже подумала и предложила решение:

– Значит, надо сделать так, чтобы даже в ваше отсутствие в квартире было громко.

– Может, радио включенное оставлять?

– Нет, радио – это неправдоподобно. Я дам свой диктофон, положим его вечером во время семейного ужина на стол, запишем полчаса-час этого традиционного бедлама, закольцуем запись и будем, уходя из дома, включать на воспроизведение, – решила я.

– Какие у тебя всегда высокотехнологичные решения! – искренне восхитилась подружка. – А ведь технарь у нас я, ты гуманитарий.

– А гуманитарии появились раньше, чем технари, – хмыкнула я. – Помнишь, как в Библии сказано? В начале было – что?

– Э-э-э... Не знаю... ТЗ?

– Безе! В начале было слово! И слово это было...

– Мама! – обрадованно подсказала Ирка.

Я посмотрела на нее с укоризной.

– А что? Всем известно, что мама – это первое слово каждого человека, – немного обиженно напомнила подружка.

– Мама! – эхом донеслось из коридора.

Дверная ручка задергалась, дверь скрипнула и поехала, пропуская пару одинаковых человечков.

– Вот, видишь? Явилось доказательство моей правоты! Даже два доказательства! – обрадовалась Ирка. – В начале было слово «мама».

– А потом? – поинтересовалась я, предусмотрительно отступая на заранее подготовленные позиции подальше от холодильника.

– Пордник!

– Полдник! – требовательно вскричали короеды, штурмуя вместилище вкусной и вредной еды.

– Сыл!

– Корбаса!

– Огулец!

– Мороко!

– Ирка, ты хоть следи, что они там едят, огурцы с молоком – это слишком многообещающее сочетание! – заволновалась я, сидя в кресле с поджатыми ногами.

На ближних подступах к еде Максимовым лучше под ноги не попадаться. Затопчут, как коврик.

– Так, и что дальше делать будем? – минут через десять бодро поинтересовалась Ирка, давая понять, что полдник закончен.

– Ну, если больше ничего не осталось...

Я к месту процитировала мультяшного Кролика, которого так же, как меня, беспощадно объедали лучшие друзья.

– Гурять!

– Голка!

Я подняла брови.

– Голодок!

– В смысле?! Ты еще не наелся?! – неприятно изумилась я.

– Голод тут ни при чем, мальчики ходят на прогулку в детский городок с горками, – хихикнула подружка. – Идем?

– Идите, – согласилась я.

– А ты?

– А я поработаю.

– Над рукописью?

Ирка завистливо вздохнула, мечтательно помолчала, потом очнулась и замахала руками, выгоняя из моего жилища своих детей:

– Уходим, уходим, нас ждут качели и горки!

Дети с радостным визгом вынеслись вон.

– Кстати, о детских играх. Мальчики медведика не хватились? – спросила я в четверть голоса.

– Нет. – Ирка пожала плечами. – Должна признаться, что я этим приятно удивлена.

Я кивнула с пониманием.

Прошлой ночью, возвращаясь из Абхазии, от границы с которой до нашего дома всего пять километров, мы заехали в магазин дьюти фри между двух пропускных пунктов. Грешно было бы упустить случай недорого прикупить французского коньяка и швейцарского шоколада.

Чтобы избежать безобразного погрома в стройных конфетных рядах, Манюню и Масяню мы оставили клевать носами на заднем диване авто, под сенью лимонных и апельсиновых деревьев, целой рощицей загруженных в багажник. Однако детки сами перебрались из машины на газон, усеянный мусором, который оставили туристы, коротавшие время в очереди на досмотр. На поруганной лужайке предприимчивые малыши разжились помятым пакетом недоеденных чипсов (его Ирка сразу же отняла и выбросила в мусорку) и потасканным медведиком (в него ребенки вцепились мертвой хваткой в четыре руки и сразу выбросить не дали).

Медведь был неказистый, безжалостно битый тяжелой жизнью в чьей-то детской, чумазый и сильно септический, так что по прибытии домой заботливая мамаша Максимова тайно сплывала его в мусорное ведро сразу же, как только Масяня и Манюня засопели в своих кроватях.

– Если утром вспомнят и будут скандалить, куплю им точно такого же, – решила подружка. – В местных магазинах этих белых медведей полным-полно.

Случайно подобранный и не случайно выброшенный мишка происходил из семьи талисманов Олимпиады-2014. А трудолюбивые жители Поднебесной произвели такое количество олимпийской сувенирной продукции, что можно было не сомневаться: сочинским лоточникам ее хватит лет на двадцать.

– В магазинах не совсем такие, они там полностью набиты ватином. А у того мишки, которого ты выбросила, только морда на поролоне была, а само тело мягкое, с каким-то сыпучим наполнителем, – напомнила я.

– Надо будет – куплю ватного, самолично его выпотрошу и набью рисом, – отмахнулась подружка.

– Рис тяжелее.

– Что?

– Я говорю – рис как наполнитель тяжелее, чем та неведомая фигня, которой был набит тот медведь, – объяснила я.

– Думаешь, пацаны заметят разницу? – Ирка хмыкнула. – Не, у них в организмах нет встроенных весов, как у некоторых.

Это был камешек в мой огород.

Позавчера, честно выполнив свой клининговый долг, я задумчиво сообщила подружке, что выброшенный мусорный пакет был подозрительно тяжеловат и при падении в люк спец-транспорта прогрохотал, будто щебнем набитый.

Нырять в недра мусороуборщика, чтобы запоздало проверить содержимое мешка, я, разумеется, не стала, но по возвращении домой на всякий случай сделала ревизию сыновьей коллекции минералов.

Все особо ценные камни с дырками типа «куриный бог» оказались на месте, и я предположила, что Иркины архаровцы могли втайне от маменьки что-нибудь грохнуть – вазу какую-нибудь, например, или супницу.

Подружка отнеслась к сигналу серьезно и добросовестно пересчитала вазы, тарелки, чашки и цветочные горшки, но недостачи не обнаружила и рассердилась на меня за то, что я возвела поклеп на ее ангелочков.

Ну или за то, что ей пришлось заниматься внеплановой инвентаризацией.

– Иди уже, а? – попросила я досадливо. – Я фэнтези сочиняю, а ты мне какие-то ужастики а-ля Франкенштейн рассказываешь! Надо же такое придумать – встроенные в организм весы!

– Ага, безмен вместо руки! Рыночная версия Капитана Крюка! – Подружка проказливо захихикала и наконец-то удалилась, оставив меня тет-а-тет с незримой музой.

До вечера я спокойно работала, ужин у Максимовых прошел без моего участия, и только после объявления отбоя в своем фамильном дурдоме подружка снова пришла ко мне.

– Вот. – Она положила передо мной исписанный тетрадный листочек и скромно отступила.

– Что это? – спросила я, не спеша переключать внимание с собственной рукописи на чужой манускрипт.

– Это для нашего нового произведения.

– Нашего?

Я обернулась и иронично посмотрела на нахалку поверх очков.

Обычно наши с ней общие произведения имеют вид лаконичных сценариев безумных авантюр, в авторстве которых не всегда хочется признаваться, потому что это может быть уголовно наказуемо.

– Ну, ты ведь обещала, что позволишь мне написать стихи для твоего (тут подружка тактично акцентировала правильное местоимение) нового романа в стиле фэнтези!

– А-а-а...

Я действительно обещала ей что-то такое.

Вообще-то я и за фэнтези взялась лишь для того, чтобы угодить подружке, обычно я пишу детективы.

Я поправила очки и прочитала с листа:

– Водица, водица, умой наши лица! И руки, и ноги, и две ягодичы!

Тут глаза мои сделались едва ли не больше, чем очки. Я обмахнулась бумажкой и очень кротко спросила:

– Ира, это что?

– Это рифмованный заговор, – охотно объяснила поэтесса. – Он усиливает эффективность применения живой воды.

– Здорово. – Я почувствовала, что и сама не прочь хлебнуть чего-нибудь живительного: Иркино творчество сразило меня наповал. – Уж зарифмовала, так зарифмовала!

– Судя по тону, тебе не нравится, – заволновалась подружка. – Давай критикуй, что не так?

– Это чей текст?

– Я же сказала – мой!

Ирка горделиво выпятила грудь.

– Меня не авторство интересует, я спрашиваю, кто это говорит?

– Э-э-э... Эльф!

– Местоимение во множественном числе.

– Тогда-а-а... Два эльфа!

– Они что, инвалиды? У двух нормальных эльфов на двоих было бы четыре ягодицы, а не две!

– Э-э-э... Это всего один эльф, но принадлежащий к королевскому дому! – нашлась подружка. – Точно, он эльфийский принц, а августейшие особы ведь говорят о себе в третьем лице: «Мы, Николиэль Второй»!

Она не удержалась и показала мне язык – вывернулась, хитрюга.

– А что за беда у его высочества Николиэля с физиономией? – не успокоилась я. – Судя по тексту, у него их две? Не лицо, а лица? Так бывает? Скажи мне, как знаток и ценитель фэнтези, я-то мало в жизни видела эльфов как нормальных, так и не очень.

– Ну, даже не знаю... Но ведь был же двуликий Янус? – удачно вспомнила Ирка.

– Он был совсем в другой мифологии!

– Придира!

Подружка почесала в затылке карандашом, подумала, потом потянулась и энергично почеркала бумажку:

– Вот, теперь у тебя не должно быть претензий.

– Водичка, водичка, умой наши лица! И руки, и ноги, и ВСЕ ягодицы! – прочитала я вслух и подняла на поэтессу страдальческий взгляд.

– Ну, что опять не так? – рассердилась подружка. – Теперь это заговор коллективного пользования, на неограниченное количество лиц и ягодиц! Хотя для большого сводного хора Эльфийской армии и флота!

– Максимова! – взывала я. – Ты издеваешься?! Какое еще неограниченное количество ягодиц?! У меня уже есть в сюжете одна задница, напоминаю, на первой же странице выписан беспорточный маньяк, и я не могу до бесконечности увеличивать удельную массу филея, это же фэнтези, а не порно! Мой редактор – интеллигентная женщина с тонким вкусом, она ни чем не пропустит такое безобразие!

– Да?

Ирка погрузилась.

Понимает, что с редактором не поспоришь.

Особенно с интеллигентным.

Иного интеллигентного редактора даже трехэтажной руганью не проймешь, он профессионально игнорирует суть и фиксирует слабые звенья словесных конструкций.

Как-то в сердцах я честно, не выбирая выражений, высказала одному весьма интеллигентному редактору все, что думаю по поводу беспощадной эксплуатации издательством писателя, так знаете, как он отреагировал? Искренне восхитился: «Надо же! Настоящий шестистопный мат!» А гонорар мне так и не повысил.

– Да, – сухо подтвердила я.

Подружка взяла беспощадно почерканную бумажку и, повесив голову, побрела к двери. С порога спросила еще:

– А эротику ты писать не планируешь, нет?

– В ближайшее время – нет, не планирую, – сказала я так, чтобы не лишить ее надежды уж вовсе.

– Спокойной ночи, – уныло изрекла непризнанная поэтесса и понуро побрела к выходу.

– Стой!

Мне стало стыдно.

Что я за человек, если огорчаю лучшую и единственную подругу, когда могу ее порадовать?

– Дай сюда свою бумажку, сядь и помолчи пять минут.

Вздыхнув, я взяла листочек с подружкиным четверостишием и потянулась к клавиатуре.

Человек он был неплохой, да и маг хороший, несмотря на молодость – всего-то триста с хвостиком лет. Единственным духом, с которым он никак не мог совладать, был дух экспериментаторства.

Спрашивается, зачем сочинять новое заклинание для преумножения красоты, если их таких уже не меньше сотни придумано? Но разве удержишься от вдохновенного творчества, едва представишь, как это будет: прелестные фигуристые девы в легких рубашках, ночь, луна, звезды, искрящийся источник...

– Водица, водица, умой наши лица! И ноги, и руки, и все ягодичы!

Маг-изобретатель торжественно озвучил новое заклинание, и вода в ключе забурлила, всплеснула фонтанчиками, омывая и лица, и все остальное, как просили.

Тонкие рубашечки моментально намокли, шелковая ткань сделалась почти прозрачной, открыв благодарному взору молодого мага сто-о-олько интересного...

Но вводить в заклинание неопределенную величину «все» определенно не стоило.

Не удовлетворившись в отличие от мага предложенными ему ягодичами и иными прелестями, живая водица тугой струей настойчиво ударила в ткань мироздания.

– Ой, – совершенно не величественно пискнул маг.

Воздух заискрился, пошел круговыми волнами, образуя подобие мишени, в самый центр которой плеснула вода.

Маг взмахнул руками, спешино выплетая заклинание экстренной штопки, но впопыхах только сбил прицел, и добрая порция живой воды при погружении в иномирное пространство, стремительно переходя из второго агрегатного состояния в первое, вместо заявленных в заклинании ягодич ударила несколько выше.

– А-а-а? Х-х-х-х...

– У-и-и!

Маг услышал два возгласа, абсолютно разных по настроению, и тихий чмок сомкнувшегося портала...

– Отлично! – Ирка хлопнула в ладоши. – Мне очень нравится! Только у тебя вот тут, в самом начале, ма-аленькая опечаточка.

– Какая еще опечаточка?

Я послушно прокрутила текст к началу.

– Вот, тут у тебя в нескольких местах написано «Дина», а надо «Рина».

– Рина Зеленая? – хмыкнула я, насмешливо поглядев на мнимо простодушную подружку.

Некоторым положишь в рот один пальчик, так они всю руку до подмышки оттяпают!

Нет, как вам это? Интеграции ее поэтического творчества в мое прозаическое подруге уже мало, теперь ей подавай героиню, названную в ее честь!

– Рина Рыжая! – Ничуть не смущенная Ирка тряхнула копной медных волос. – Звучит же, согласись?

– Вполне, – согласилась я, послушно исправляя «опечаточку».

А то ведь не отстанет от меня Рина Рыжая, проест мне плешь в моих негустых белокурых кудрях.

– Отлично! – повторила подруга, одобрительно похлопав меня по плечу. – Это надо отметить! У тебя вино есть?

– Вина нет, есть коньяк.

– Коньяк? Нет, моя радость пока еще не настолько велика, – секунду подумав, от особо мощного горячительного Ирка отказалась. – А у Хачатуровича домашняя «Изабелла» очень вкусная, давай бутылочку закажем? Или две...

И, не дожидаясь от меня ответа, она принялась разматывать скатанную в клубочек шашлычно-бельевую резинку.

Вчерашнюю коробку от торта мы неразумно выбросили, поэтому сегодня вынуждены были обойтись одним пакетом, утяжелив его очередной парой голышей.

– Сквозь полиэтилен будет видно бутылки, это как-то неприлично, – решила Ирка. – Поступим вот так...

И она изящно задрапировала мешок собственным парео из бледно-голубого шелка.

С учетом того факта, что в Ирке больше ста килограммов живого веса, парео у нее дивно просторное, так что у нас получился вполне себе убедительный парашют.

Я позвонила Хачатуровичу и заказала две бутылочки хваленной «Изабеллы» на вынос (или на вывоз? или на вылет?), и Ирка вытравила резинку на максимальную длину.

– Видали?! Это наше привидение на посадку пошло! – бурно обрадовались дети, сидя в засаде на четвертом этаже.

– Бежим ловить! – предложила Катя.

– Ты че? – Нюра покрутила пальцем у виска. – Ловить! А если это оно нас поймает?

– Надо его сначала ослабить, а уж потом ловить, – веско сказал Васька, захлопнув книжку. – Готовьте к бою чеснок!

Старый мудрый шашлычник давно уже ничему не удивлялся. Мясо в коробку? Да пожалуйста! Вино в мешок? Да сколько угодно!

«Ест» – уведомила заказчицу традиционная эсэмэска.

– Тяни, – велела я Ирке.

Бледно-голубым цветком распустилось в ночи маскировочное парео.

Легкая ткань шевелилась, как живая, гладкий шелк отсвечивал разноцветными огнями недалекой дискотеки.

– Летит! – доложила боевым товарищам Нюрка. И не удержалась, похвалила вражину потустороннюю: – Краси-и-ивое!

Катка двумя руками цапнула с подоконника выложенные в ряд чесночные головки. Нюрка и Васька тоже вооружились.

Хороший, качественный овощ выбрали для обстрела привидения лучшие представители современной молодежи!

Тугие чесночные головки размером с детский кулак со свистом вылетели из окна и метко поразили не ожидавший нападения кулек плотным боковым огнем.

Резинка вдруг задергалась, как живая, и вырвалась из пальцев безмятежной Ирки.

– Держи!

Я чуть не вывалилась в окно, но каким-то чудом успела сцапать улетающий хвостик.

– Держись!

Подружка затащила меня обратно и обмахнула трясущейся ладошкой разгоревшееся лицо:

– Фу-ух! Я уж подумала – все, прощай, «Изабелла», разбились наши бутылочки!

– Мне показалось, что-то звякнуло, – сообщила я, не спеша радоваться. – Может, и разбились... Давай тяни поскорее!

Засадный полк на четвертом этаже завопил так, что заглушил дискотечную музыку:

– Ура!

– Попали!

– Мы его сбили!

– А вот теперь – бежим ловить! – скомандовал Васька.

И молодые бойцы с нечистью посыпались вниз по лестнице.

Мы с подружкой в четыре руки втащили в окно сочащуюся красным посылку от Хачатуровича.

– Одна бутылка разбилась, а вторая целехонька! – быстро произведя ревизию, обрадовала меня Ирка.

– И где оно? – озадачились, высыпавшись во двор, раскрасневшиеся от физкультуры дети.

– Улетело, – вздохнул командир Василий. – Но, судя по этому пятну, мы его серьезно ранили!

На асфальте отчетливо краснела лужица, окруженная россыпью свежих капель.

– А разве привидение можно ранить до крови? – задумалась умная Катя. – Откуда у него кровь, оно же не живое и даже не материальное?

– Наука еще слишком мало знает о привидениях, – рассудил Васька. – Что у него есть и кого оно ест... О! Может, оно как раз недавно сожрало кого-то живого и материального, и это его кровь?

– Какой ужас! – восторженным дуэтом выдохнули бесстрашные девочки.

– Ну, за успехи в творчестве! – провозгласила Ирка, подав мне бокал с вином из уцелевшей бутылки.

– За нескудную жизнь! – поддакнула я.

Бокалы звякнули, а сердце мое даже не екнуло.

И напрасно.

Лучше бы мы за тихий вечер и безмятежное утро выпили!

Но кто же знал, что ждет нас впереди...

Хотя я-то уж могла бы и догадаться, что переменчивая Фортуна поворачивается ко мне всеми ягодицами еще в момент приема вечерних водных процедур.

В моей малагабаритной студии для регулярных омовений предназначена узкая и шаткая душевая кабинка. В ней-то я и находилась, когда произошла типичная для нашего курортного города подлость – внезапно вырубилось электричество. К несчастью, я уже успела окатить себя водой, экономно выключить эту самую воду и даже старательно намылиться.

Вся в мыле и в крошечной тьме я слепо потянулась к крану, промахнулась и ушибла руку о стеклопластиковую стенку, а задетая этим моим промахом кабинка обиделась и обморочно покачнулась, всерьез обещая рухнуть на бок со мной внутри.

– В той норе во мгле печальной гроб качается хрустальный! – истерично заголосил мой внутренний голос, для пущего драматического эффекта обратившись к вечной – пушкинской – классике. – На цепях среди столбов!

– Не видать ничьих следов вокруг того глухого места. – Я машинально продолжила цитату из «Сказки о Мертвой царевне» и скривилась, ощутив во рту вкус геля для душа. – Тьфу!

Я попыталась открыть сдвижную дверцу, но ее заклинило, и спастись из душегубной кабинки бегством не получилось.

– В том гробу твоя невеста! – ситуативно точно закончил цитату мой внутренний голос.

Хорошо, что свет дали всего лишь минут через пять и мое холодеющее тело не успело покрыться хрустящей мыльной корочкой.

Но в постель я улеглась не в лучшем настроении.

День третий

Засыпала я под «Мурку». Это был не мой личный выбор – уличные музыканты, регулярно промышляющие на большой дороге под нашими окнами живым вокалом, до поздней ночи ублажали слух гостей из окрестностей солнечного Магадана уголовно-лирическими песнями.

Снилось мне что-то из той же оперы – детективно-дефективное, поэтому я не слишком удивилась, когда оживший в ночи мобильник придушенно прохрипел мне в ухо:

– Мусор...

– Опачки... Мусор-мусорок, – пробормотала я строго в тему.

– Не поняла?

– Пасть порву, моргалы выколю, дайте спать, редиски, – сонной скороговоркой объяснила я.

– Какие еще редиски?! Ты сначала дыню выброси! – подружкиным голосом выкатила претензию телефонная трубка.

– Не поняла? – неоригинально отреагировала я.

– Кончай базарить, редиска! Сегодня же твоя очередь мусорное ведро выносить!

– Ах, ведро...

Я окончательно проснулась.

В нашей густонаселенной курортной местности мусорные баки отсутствуют как данность. Городские власти объясняют этот факт нежеланием увеличивать популяцию крыс, хотя мне кажется, они просто беспощадно экономят на дворниках. Зато раз в сутки по улице медленно и торжественно, как дорогой катафалк, проезжает мусоровоз, безропотно принимающий в недра свои содержимое помойных ведер.

Проблема в том, что на ближайший к нам перекресток эта полезная машина прибывает в 6:30 и убывает оттуда спустя пять минут. Кто не успел – тот опоздал и продолжает хранить и, как следствие, обонять накопленный за сутки мусор в своем жилище.

Мы с Иркой договорились, что объединяем наши отходы в одном объемистом ведре, храним его у Максимовых в ванной комнате – там темно и прохладно – и выносим по очереди.

Сегодня утренняя романтическая прогулка на свиданье с мусоровозом предстояла мне.

Вздыхнув, я натянула длинную майку, на сонный взгляд с прижмуром вполне способную сойти за короткое трикотажное платье, сунула ноги в шлепанцы, вышла в коридор и приняла у подружки мусорное ведро.

Вчерашние дынные корки в верхнем слое его содержимого пахли мощно, но не аппетитно.

– Фу! – сказала я.

И, брезгливо отвернув физиономию в сторону, сомнамбулой побрела вниз по лестнице.

– Под ноги смотри, лунатичка, навернешься же со ступенек, – предостерегла меня заботливая подруга. – Собирай потом дынные корки и твои кости по всей лестнице с шестого этажа по первый!

– Не каркай, – попросила я тихо и глухо, потому что старалась дышать неглубоко и редко.

Хозяйственным магазинам имело бы смысл продавать мусорные ведра в комплекте с противогазами...

Зато загодя выполненный поворот головы вправо – в сторону от ведра – позволил мне с ходу прострелить нужную улицу пытливым взором.

Явление мусорки народу еще не состоялось, перекресток был пуст.

Я поставила ароматическое ведро на пол, зевнула, потянулась, оперлась на перила невысокого крыльца и от нечего делать лениво просканировала действительность, данную мне в разнообразных ощущениях, за исключением разве что слуховых: в шесть с копейками утра в эпицентре курорта было тихо, как в оке урагана.

Зловещая тишина воцарилась не зря.

Сначала я заметила бурую лужицу чуть левее крыльца и покраснела ей в тон, сообразив, что это компрометирующее пятно оставила наша с подружкой разбившаяся бутылка. Россыпь мелких темных пятнышек, окружающая центральную лужицу как звезды – более крупное небесное тело, тянулась влево а-ля Млечный Путь.

– Не, это не Млечный – это Винный Путь, – услужливо подсказал подходящее название данного художественного безобразия мой внутренний голос. – Так сказать, *Vino Way*!

Я прошла по скоплению капель пристыженным взглядом и совершенно неожиданно для себя обнаружила на дальней оконечности не особо протяженного Винного Пути реальное тело – ничуть не небесное!

Оно лежало, распластавшись на асфальте, как морская звезда, вниз лицом, из-под которого к винной луже протянулся более темный ручеек.

– Опачки, – тихо и опасливо вякнул мой обычно интеллигентный внутренний голос, мгновенно меняя стиль речи в соответствии с ситуацией. – Шухер, делаем ноги!

– А пульс пощупать? – послушно отступая, пробормотала я неуверенно. – Вдруг он еще жив?

– Кто жив, кто мертв? – бодрым голосом откликнулась дама, в чей упругий фасад я влепилась своим поджарым тылом.

– Да вот. – Я посторонилась, открывая новому зрителю вид на распластанное тело.

– О-о-о, нет, о пульсе речи быть не может, это полный натюрморт! – присвистнула гражданка, как сестра-близнец похожая на Фрёкен Бок из мультфильма про Карлсона.

И еще немного на гигантского цыпленка – спасибо гребню залакированного начеса на макушке и желтому махровому халату.

Фрёкен Бок поставила на ступеньку принесенное с собой мусорное ведро, проворно хлопала карманы своего банного халата, извлекла на свет мобильник и, быстро найдя в памяти аппарата нужный номер, на удивление жизнерадостно возвестила в трубочку:

– Соня, подъем! Представь, у нас во дворе в луже крови лежит неопознанный субъект, по виду – мертвый, как полено, по-моему, не из наших, но ты лучше выйди и посмотри сама!

– А кто у нас Соня? – осторожно поинтересовалась я.

Раз уж нельзя так же просто выяснить, кто у нас мертвый, как полено, субъект...

– Управдома своего не знаете, девушка? – укорила меня Фрёкен Бок, которой больше подошло бы зваться Фрёкен Фас или Фрёкен Тыл – рельеф у нее был уж очень выразительный.

– Ах, *эта* Соня!

«Эту Соню» я знала как Софью Викторовну и старательно обходила за семь верст.

Управдом, конечно, существо социально полезное, но в личном общении удивительно неприятное: то требует деньги на ремонт какой-нибудь ненужности, то в неурочный час рвется в санузел на свидание со счетчиком-водомером, то без разбору костерит всех подряд за нарушения санитарии, гигиены, морали и нравственности.

Тяжелый характер у нашего управдома Софьи Викторовны.

Тяжелее, чем характер, у Софьи Викторовны только кулаки – каждый со среднюю дыньку.

Ой, наша дыня!

Я вспомнила, зачем вообще вылезла на улицу ни свет ни заря, искательно поглядела на перекресток – и вовремя: мусорный катафалк как раз прибыл на временную стоянку.

Пользуясь случаем, я подхватила свое пахучее ведро и ретировалась по-английски.

Когда я вернулась, внеся свой посильный вклад в борьбу за экологическую чистоту окружающей действительности, рельефных фрёкен у подъезда было уже две.

Второй была та самая Софья Викторовна – пожилая валькирия с головой, бронированной стальными бигудями. Она пришла морально и материально подготовленной – нервы в кулаке, простынка на плече, палец на нужной кнопке мобильного.

Тряпочкой дамы сноровисто накрыли тело на асфальте, после чего сели на лавочку дожидаться полицию. Запасливая Софья Викторовна извлекла из кармана халата пакет семечек.

У меня не было никакого желания составлять им компанию. Я семечки не люблю.

Покосившись на укрытое простынкой тело (из-под тряпочки виднелись только ноги), я проскользнула в подъезд.

Сопя, я совершила альпинистское восхождение на шестой этаж и таинственно поскреблась в дверь Максимовых, но не была услышана, и отправилась к себе досыпать.

А что еще было делать?

Разбудил меня дверной звонок.

– Чтоб тебя разорвало, – пробормотала я.

А звонок таки да, конкретно разрывался.

– Кто там?! – не дождавшись тишины, рывкнула я голосом крайне негостеприимной Бабы-яги.

Такой, знаете, обьевшейся плохо прожаренных Иванушек и мучимой несварением.

Два голоса ответили мне решительно, но не в лад:

– Полиция.

– Управдом.

Секунду подумав, я решила, что это не та компания, которую можно проигнорировать.

Я встала, одернула перекрутившуюся майку-платье, приладила ладонями растрепанные волосы и пошла к двери.

– Вот! – наставив на меня толстый палец пистолетом, сказала Софья Викторовна. – Это она нашла труп.

Мне это заявление не понравилось. Было в нем что-то от обвинения, а я не люблю, когда мне приписывают чужие грехи.

Своих хватает.

– Находят грибы и клады, – огрызнулась я. – То есть находка – это результат сознательной деятельности, направленной на поиск. А я ваш труп просто раньше других увидела.

– Почему это он мой?! – возмутилась управдомша.

– Каких других? Других трупов? – заинтересовался служивый и пытливо заглянул в комнату поверх моего плеча, очевидно, предполагая увидеть предмет беседы – другие трупы, складированные в глубине квартиры аккуратным штабелем.

– Типун вам на язык! – дружно сказали мы с управдомшей.

И посмотрели на служивого укоризненно.

– Ладно, заходите, не будем про трупы в коридоре разговаривать, рядом дети спят. – Я вздохнула и неохотно посторонилась, пропуская незваных гостей в квартиру.

Они устроились за столиком у окна, а я встала у холодильника, подпирая его спиной с таким видом, что о завтраке и даже о приветственном напитке никто не заикнулся.

– Итак, какие ко мне вопросы?

– Расскажите, как вы обнаружили тело, – попросил служивый.

– Обыкновенно. – Я пожала плечами.

– Для вас это обыкновенное дело?

Вредный какой...

Я хмыкнула и ответила уклончиво:

– Знаете, я все-таки детективы пишу... Так вот, по существу дела: примерно в половине седьмого утра я вышла из дома, чтобы выбросить мусор. Увидела левее крыльца распластанное на асфальте тело, шокировалась, попятилась и столкнулась с приятельницей нашего уважаемого управдома. Она тут же позвонила Софье Викторовне, и та вышла во двор с простынкой. Я сходила на перекресток, выбросила мусор, вернулась, увидела, что тело уже накрыто, а Софья Викторовна с подругой сидят неподалеку на лавочке, и вернулась домой. Вот, собственно, все, что я могу вам сообщить.

– Вам известна личность погибшего?

– Нет, – сказала я честно. – И не удержалась от вопроса: – А вам?

Служивый поджал губы.

– Может быть, вы его раньше встречали?

– Без понятия. – Я пожала плечами. – Я же не знаю, кто это! Я даже лица его не видела, он им в асфальт уткнулся, а я к телу близко не подходила в отличие от Софьи Викторовны, кстати говоря, так что вы лучше ее расспросите.

– Нет, лучше это я спрошу! – ожила управдомша. – Не вы ли в последнее время все с веревками баловались, тягали вверх-вниз из окна и в окно чего-то или кого-то?

– Провиант от Артура Хачатуровича мы тягали, – кивнула я, ибо глупо было бы записаться и отрицать то, что происходило у всех на виду. – Шашлык и вино поднимали, но никак не мужиков!

Тут до меня дошло, что это может означать:

– А, так, значит, этот мужик, который уже мертвое тело, стал таковым потому, что упал с высоты?

Служивый посмотрел на управдомшу и строго кашлянул.

– Да ладно вам, коллега, не тушуйтесь, все понятно: если он разбился насмерть, то падение из окна – это первое, что приходит в голову! – успокоила писательница-детективщица товарища следователя.

– А второе что приходит? – невольно заинтересовался «коллега».

– Мне? – уточнила я, ибо это было важно. – Мне-то много чего в голову приходит. Загибайте пальцы: окно – это раз, дерево – это два...

– Какое дерево?

– Как – какое дерево? – Я даже удивилась такой невнимательности. – Ну, вы даете! Вон, напротив окна, здоровенное дерево, это же не клен ты мой опавший, это самый настоящий орех пекан – вкуснятина и деликатес, на рынке приличных денег стоит!

– Да-а-а?

Управдомша так перевесилась за подоконник, рассматривая халявный деликатесный орех, что я на мгновение испугалась, что мужское тело на асфальте обзаведется женским обществом.

– Правда, орехи еще не созрели, так что версию с трагедией во время сбора урожая я бы всерьез не рассматривала, – доверительно сообщила я внимательно слушающему служивому. – А вот самолеты – это да, загибайте третий палец. Прямо над нами глиссада аэропорта, самолеты проходят в каких-то пятидесяти метрах над зданием!

– Вы думаете, он выпал из самолета?!

В ранее тусклых глазах служивого уже посверкивало что-то вроде восхищения.

Я пожала плечами:

– Я думаю, что даже это более вероятно, чем нелепое предположение, будто он рухнул из моего окна!

– Или из соседнего, – подсказала язва-управдомша.

Вот противная тетка, знает же, что в соседней квартире моя подруга проживает!

– Если вы, уважаемая Софья Викторовна, еще раз выглянете в окно и на сей раз обратите внимание не на плодовое дерево, а на пятно, оставшееся от тела, то даже вам станет очевидно, что приземлиться на этом конкретном месте, выпав из моего окна или из соседнего, вышеупомянутое тело могло только в том случае, если оно обладало способностью планировать, так как отклонение от вертикали, соединяющей окно и точку падения, составляет не менее десяти метров! – завелась я. – Однако аэродинамика тела в обтягивающем трико, в которое, судя по увиденным мною щиколоткам, был облачен погибший, близка к нулевой, а штормового ветра, способного сдуть взрослого дядю, этой ночью не наблюдалось! Таким образом, из наших окон он выпасть не мог, так что прошу вас прекратить эти гнусные инсинуации!

– Ин... че? – багровея, икнула управдомша.

– А то, что лучше бы вы за состоянием сантехники внимательно следили! – с напором выдала я претензию, перейдя от обороны к нападению. – У меня душевая кабинка трясется, как рябинка на ветру! Не ровен час, грохнется вместе со мной, будет вам тут еще один холодный труп!

– Так, спасибо, что уделили нам время, – встал, обрывая назревающий скандал, сметливый служивый.

Уже с порога он оглянулся, посмотрел на меня внимательно, пробормотал: «Так, говорите, самолет?» – и ушел с задумчивым лицом.

В сердцах я с грохотом и лязгом закрыла дверь за незваными гостями на все замки и запоры, а потом позвонила дружественному полицейскому полковнику Сергею Лазарчуку.

– Ле-е-енка! – простонал он. – Ты на часы смотрела?!

– На что я только сегодня уже не смотрела, – ответила безжалостная я. – На управдомшу, глаза б мои ее не видели, смотрела, на участкового смотрела, а главное – на незнакомый труп во дворе, из-за которого тебе и звоню...

– Только не говори, что имеешь отношение к этому трупу!

– Не имею, в том-то и дело! Говорю же – он незнакомый!

– А ты никого не убиваешь, пока не обменяешься визитками? – Судя по резко повысившемуся уровню ехидства, Серега полностью проснулся. – Конкретно этот твой жизненный принцип мне нравится!

– То есть я могу надеяться, что ты защитишь меня от нападок некоторых тупых служителей и прислужников закона?

– А уже надо защищать?

– Пока нет, но мало ли, как пойдет...

– То есть я могу надеяться, что это подождет хотя бы до завтрака?

– Язва.

– От язвы слышу.

– Ладно, приятного тебе аппетита.

Насчет визитки – это Лазарчук не в бровь попал, а в глаз. Опер-провидец, честное слово! Сварив себе крепкий кофе и присев за столик с чашкой, я обнаружила на подоконнике визитку следователя.

Интересно, зачем он мне ее оставил? В надежде, что я придумаю еще пару-тройку версий и бескорыстно поделюсь ими с ним?

Ха! Еще чего!

Издательство мне за мои фантазии денежки платит!

Я открыла ноутбук и забила в записную книжку с заготовками для будущих бессмертных произведений три строки:

1. Выпал из окна.

2. Свалился с дерева.

3. Упал с самолета.

Подумала и добавила развернутую версию:

4. Катался на парашюте над морем, парашют занесло в сторону, и мужик сорвался.

А что? Парасейлинг, то есть катание на парашюте, соединенном тросом с катером, занятие небезопасное!

Я еще немного подумала и дописала:

5. Был подхвачен и обретен смерчем, вышедшим из моря.

А почему нет? Элли с Тотошкой так летали? Летали! А смерчи в Адлере в августе вовсе не редки.

Я допила кофе, еще немного подумала и добавила:

6. Стал жертвой экспериментов злых инопланетян и после серии фатальных опытов был выброшен из НЛО за ненадобностью, упал на землю и разбился.

7. Оказался оборотнем, но слабым и крайне неудачно и не вовремя обратился из летучей мышки или птички в нелетучего человека, упал и разбился.

8. Был могучим колдуном, но утратил магические силы и внезапно, уже в полете, полностью потерял способность к левитации, отчего опять же упал и разбился.

Тут мне закономерно захотелось продолжить работу над романом в стиле фэнтези, и я переключилась на новую рукопись.

Маг торопился.

Заледеневшая живая вода – артефакт, которому не место в техном мире, а международная мудрость «Что упало, то пропало» прозрачно намекала, что возврату утраченного кто-нибудь непременно попытается воспрепятствовать.

К счастью, заклинание еще не полностью растворилось в воде и продолжало связывать купель «здесь» и ледышку «там» тоненькой ниточкой магии.

Вошебник усилил ее и осторожно потянул.

Рина почувствовала, что ее сумка завибрировала, и открыла ее, привычно нашаривая внутри телефон.

Вспомнила, что ее аппарат разбился, чертыхнулась и сразу же ахнула, увидев что опаловый кирпич в коробке для обеда разгорается светом, одновременно мигая, как неисправная лампочка.

– А теперь – дискотека! – провозгласила бесстрашная девушка с веселым изумлением.

Она энергично потрясла коробку с сияющим камнем, процитировав с придыханием:

– А хочешь, я его стукну, и он станет фиолетовым в крапинку?!

Камень вспыхнул, коробка дернулась, как живая.

– Э! Куда?!

Рина вцепилась в сияющий параллелепипед двумя руками, и ее медленно, но неотвратимо утянуло в портал...

Тему порталов по-своему продолжила входная дверь, сделав решительное «бум».

– Кто там? – недовольно спросила я, про себя решив, что полицию в расширенной комплектации с управдомом больше не пущу.

Не понравилось мне с ними общаться. Ну их.

– Кто там? Двести пятьдесят грамм! – бодрым голосом зарифмовала Ирка из-за двери.

– Двести пятьдесят – это не многовато ли для утра?

Я прошлепала к двери, погромила запорами-засовами и открыла свою светлицу.

– Двести пятьдесят – это приблизительный вес твоей порции горячих вафель со сгущенкой, а ты что подумала?

Подружка протиснулась в комнату и грациозно проплыла к столу, балансируя тарелками.

– С добрым утром и приятного аппетита, садись завтракать!

– Завтракать – это хорошо!

Я не заставила себя упрашивать, налила нам чаю, под села к столу и сразу же огорошила подружку сенсационным сообщением:

– А вот насчет доброго утра ты, к сожалению, ошибаешься. Я, когда мусор выносила, труп нашла!

– Где?!

Ирка выпучила глаза.

– Мне казалось, что первый вопрос должен быть – какой? – Я укусила вафлю. – Ммм!

– Какой труп и где? – послушно переспросила подружка.

– Подожди, не порть мне аппетит...

Я со вкусом почавкала, вымазала вафельным краешком сгущенку, поборолла порыв некультурно облизать пальцы и, вытирая руки салфеткой, обстоятельно доложила:

– Труп был мужской. Он лежал на асфальте перед нашим домом немного левее крыльца, примерно под окном твоих соседей.

– Намекаешь, что они имеют к этому какое-то отношение?

– Необязательно. Как говорится, «после того» не значит «вследствие того», а «под окном» не значит «из окна». – Я блеснула специфической эрудицией. – Хотя полиция и управдомша, магнит ей в бигуди, пытались предъявить подобное обвинение не кому-нибудь, а нам с тобой. Мол, мы же баловались с грузами на веревке.

– Надеюсь, ты объяснила им нелепость данного предположения? – нахмурилась подружка.

– Я сделала лучше: подарила им пару очень интересных альтернативных версий.

– Каких же, Холмс?

Ирка удобно откинулась на стуле и пригубила чай ситуативно подходящего сорта «Английский завтрак».

– Элементарных, Ватсон: падение с дерева и с самолета.

– Я бы выбрала дерево, – подумав, сказала подружка.

– Не сомневаюсь, – кивнула я. – Я знаю, ты любишь орех пекан.

На самом деле Ирка, как яркий представитель семейства Максимовых, любит всю еду без исключения. Так что, если бы у нас за окнами кокосовая пальма росла, она бы выбрала пальму. А вот самолеты моя подружка откровенно недолюбливает, потому что в кресле лайнера ей неудобно – откидной столик упирается в живот и дискомфортно неустойчив.

– А как он выглядел? – спросила Ирка-Ватсон, деликатно звякнув опустевшей чашкой о блюдце.

– Труп? – Я поморщилась. – Какдохлый ниндзя в ботах.

– В смысле?! – Вмиг утратив английскую невозмутимость, подружка поперхнулась.

– В смысле, он был в черном трико.

– Нетипичный наряд для этого места и времени года...

– Да, а обувь у него была еще более нетипичная: войлочные боты! – Я вспомнила ноги, торчавшие из-под простынки. – Причем совершенно новые войлочные боты – пушистый светлый войлок на подошвах еще не успел испачкаться и не примяться.

– Значит, это был не местный тип, – сделала вывод подружка. – Все эти войлочные боты, вязанные кофты и майки с надписями про Сочи только приезжие покупают.

– Резонно, – согласилась я.

В глубокомысленной тишине мы чинно и благородно допили свой английский чай.

За окном многозначительно гроыхнуло.

В приоткрывшуюся дверь просунулась чумазая мордашка.

– Глоза! – тараша глазенки, сообщил Масяня.

– Ривень! – напророчил за его спиной Манюня.

– Моля не будет?

– Какая еще моля? Что она не будет? Есть? – не поняла я.

– Море! – поправила меня Ирка. – Нет, детки, в грозу мы с вами на море не пойдем.

– И правильно, – согласилась я. – В грозу на море случаются смерчи, оно нам надо?

– Смелсь?

– Ага, смерть с косой! – кивнула я. – Хвать, вжик, шмяк – и все. Был дядя в ботах – и нету дяди в ботах!

– Не морочь голову детям, – попросила подружка и хлопнула в ладоши. – Так, малышня! Объявляю программу дня: сейчас мы обуваем боты, тьфу, сапоги! Надеваем дождевики, берем зонты и идем в цирк!

– Цилк, цилк!

– Кроуны!

– Тиглы!

– Сроны!

Малышня умчалась к себе.

– Слонов они как-то некрасиво обозвали, – посетовала я. – Хотя...

Ирка хихикнула и снова хлопнула в ладоши:

– Так, не заговаривай мне зубы, ты тоже идешь с нами в цилк на сронов, тьфу, в цикл, тьфу, в цирк! Говорят, он тут не плох.

– Да нет в хваленном местном цирке никаких слонов и тигров.

– А кто есть?

Я вспомнила афишу на подъезде.

– Сейчас заезжий фокусник есть. Какой-то Питер Бург.

– Звучное имя, – оценила подружка.

– Оригинальное, – поддакнула я.

Ирка выбралась из-за стола и объявила:

– Все, хорош разговоры разговаривать, я сказала, собирайся. Хоть фокусник там, хоть мокусник, мне без разницы, если мы не пойдем в цирк, то цирк придет к нам!

Я представила, какое шоу нам организуют малявки Максимовы, запертые до окончания дождя в тесном пространстве съемной квартирki, и осмотнительно не стала спорить.

В хваленном цирке было душновато и ощутимо пахло то ли мокрой шерстью, то ли несвежими носками, то ли и тем и другим плюс еще жареным в масле попкорном.

Младшее поколение семейства Максимовых чутко зашевелило носами, безошибочно выделило в букете ароматов мажорную ноту карамельного попкорна, определило местоположение кормушки и потащило к ней родительницу, на ходу канюча:

– Кукулуза...

– Срадкая...

«Срадкая» – это прозвучало дурным пророчеством.

– В самом деле, Ирка, может, ты не будешь кормить пацанов этими подозрительными срадостями? То есть едой сомнительного качества? – покричала я в спину подруге.

– Тогда пацаны сожрут нас с тобой, – невозмутимо отозвалась она, перебрасывая на живот сумку с кошельком. – И наверняка не досидят до антракта, оно нам надо?

Я пожала плечами и отстала от мудрой женщины.

Попкорн, конечно, не самая полезная еда, но подружка права – голодные короеды сбегут из цирка досрочно, и придется придумывать им еще какое-нибудь развлечение.

Придумывать ничего не хотелось. И так уже в ходе усердной работы над романом в стиле фэнтези мое воображение сплошь покрылось болезненными мозолями.

Началось представление, и я вынуждена была признать, что Ирка понимает, что делает. Если бы руки ее потомков не были заняты картонными ведрами, а рты – извлеченным из этих ведер попкорном, то первое отделение представления не прошло бы так спокойно. Короеды наверняка орали бы и подпрыгивали, пытаясь ухватить за ноги клоуна, свисавшего с трапеции, как пестрый флаг. Поскольку сидели мы в первом ряду, изображавший неумелого воздушного гимнаста рыжий болтался прямо над нашими головами. Я сама с трудом удерживалась, чтобы не сдернуть его с жердочки за длинномерный, как лыжа, башмак.

– А велосипедики будут? – спросила меня Ирка, не удосужившаяся изучить программку.

– Велоси – кто?!

Я поперхнулась попкорном.

– Акробаты на таких, знаешь, дегенеративных великах, состоящих из одного колеса и неуютной сидушки, – объяснила подружка. – Мне страшно нравится на них смотреть! Всегда очень интересно, грохнутся они со своей жердочки или не грохнутся.

– Глохнутся, глохнутся! – заранее кровожадно обрадовался ребенок.

– Я первая глохнусь, как Бетховен, если вы будете так орать, – посетовала я и спешно вручила горластому дитяте стакан с газировкой.

– Это который Бетховен? Который сенбернар? – включаясь в светскую беседу, добродушно поинтересовалась Ирка, явно испытывающая искреннее удовольствие от всего происходящего.

Еще бы! Шум, гам, кувырки, всякие там смертельные трюки – и все это не в исполнении собственных деток! Просто праздник какой-то!

– Не который собака из кино, а который композитор, – ответила я, поддерживая культурный разговор.

– Который написал «Мону Лизу», – кивнула подружка.

– «К Элизе», – терпеливо поправила я. – «Мону Лизу» написал Леонардо да Винчи.

– Молодец какой, – похвалила художника Ирка. – Грамотно отстроился от Бетховена.

– В смысле? – заинтересовалась я.

Легкий салонный треп начал приобретать неожиданную культурологическую глубину.

– Ну, у Бетховена была просто Лиза, а у Да Винчи Мона Лиза – не перепутаешь, – объяснила Ирка-искусствовед.

– Искусствоведьма! – хихикнул мой внутренний голос.

Я вспомнила, с чего мы начали беседу, и ехидно хрюкнула.

– О, кстати, а дрессированные животные сегодня будут? – услышав сей звук, оживилась подружка.

– Почему это кстати? – напряглась я.

Мне обидеться, что ли? Или, наоборот, порадоваться, что я так убедительно хрюкаю?

– Ну, просто я люблю разных дрессированных животных, – дипломатично ответила Ирка.

– Ну, спасибо...

Тут детский бас справа от меня безапелляционно молвил:

– Туарет!

И Ирка подхватила, повела ребенка в уборную.

Мы со вторым ребенком (загребавшим оставленное братцем ведро с попкорном) без происшествий и осложнений досмотрели первое отделение и воссоединились с компанией в антракте.

В холле было многолюдно. Мой мелкий спутник встал на цыпочки и завертел головой:

– Мама! Блат!

– Что там у нее по бласту?

Я высмотрела подружку рыжую гриву возле тетеньки, похожей на битую молью Клеопатру.

Пышные формы тетеньки местами были закованы в золотую парчу, а местами овеяны воздушными шелками. Шелка немножко полиняли, парча чуток потрескалась, но украшения, способные составить золотой запас небольшой африканской страны, солнечно сияли.

Клеопатристая тетя сноровисто орудовала кисточкой, успешно используя вместо холста Иркино просторное плечико.

Подружке давно хотелось разрисовать себя узорами из хны, но все как-то некогда было, а тут вдруг представилась такая возможность.

Я решила, что не буду ей мешать, и даже попыталась нейтрализовать малявок, последовательно увлекая их в зооуголок потискать кроликов, попрыгать на батуте и поиграть в аэрохоккей. Но детки все равно убегали к мамуле, и сеанс художественной росписи прошел в обстановке привычного бедлама. Привычного нам с Ирккой, конечно, свежего человека шоу братьев Максимовых легко могло шокировать, хотя клеопатристая тетя, надо отдать ей должное, не только не роптала, но даже вежливо изображала интерес к интимным подробностям Иркиной жизни.

Звонок к началу второго отделения я встретила с радостью.

Жаль, что ни в одной из многочисленных торговых точек в фойе не продавались промышленные степплеры или хотя бы большие булавки – нашу парочку детишек с шилами в задницах очень хотелось надежно прикрепить к обивке кресел за штанишки.

Иллюзионист Питер Бург по паспорту звался созвучно, но не пафосно: Петр Буров.

Не то чтобы это имя было уж вовсе лишено претензий – возможно, с ним можно было сделать карьеру в нефтегазодобывающей отрасли, – но для иллюзиониста оно не подходило.

– Очень уж это имя основательное, весомое, практично-приземленное, – объяснял Петя матушке, старательно избегая откровенно негативных оценочных категорий.

Матушка внушительную фамилию получила не от мужа – существа легковесного и мифического вроде эльфа, а от предков по отцовской линии, крепким штопором уходившей во глубину сибирских руд.

За неуважение к славному роду Буровых матушка с легкостью могла отвесить такую затрещину, от которой те, кто помельче, запросто превращались из двуногих прямоходящих в бескрылых перелетных. А Петр Буров, несмотря на всю солидность родового имени, крупными габаритами не отличался.

Поначалу от Петиного псевдонима, излишне живо напоминающего о Северной столице России, матушка была не в восторге, но хотя бы драться не лезла. А когда иллюзионист Питер Бург стал пользоваться некоторой популярностью, она и вовсе смирилась. Выбранная сыном оригинальная профессия матушке нравилась, хотя сибирские предки в целом наверняка предпочли бы более надежную нефтегазодобычу.

У матушки Пети Бурова тоже была явно выраженная артистическая жилка. Видели бы прашуры Варвару Бурову в шелках и парче фантазийного наряда «Шехерезада постбальзаковского возраста» – нипочем не признали бы родную кровиночку!

Цветастое платье с шароварами и кудрявый смоляной парик Варваре Буровой смастерили в цирковой костюмерной, а вот шоколадный загар и многочисленные украшения у нее были свои, собственные. Когда Варвара, звеня браслетами, как стадо галопирующих на водопой коров колокольцами, поднимала руку, чтобы поманить к себе очередную жертву, у граждан с нормальным слухом закладывало уши.

Выглянув из неприметной дверцы, Петя, без смокинга и цилиндра вовсе не похожий на таинственного франта Питера Бурга, внимательно посмотрел, кого на этот раз отловила маман, и слегка поморщился.

Он бы, конечно, предпочел гламурную загорелую блондинку в микромайке на голое тело – сидела одна такая аппетитная красоточка у прохода на втором ряду, но матушка Варвара, истово оберегая сыновью нравственность, опять выбрала деревенскую коровушку средних лет.

С другой стороны, возрастная селянка наверняка доверчивее и покладистее модной кисы, да и загогулины матушкиных рисунков на белой коже видны гораздо лучше, чем на загорелой. И вообще Варвара Бурова уже доказала, что она знатный физиономист и хороший психолог, безошибочно выбирающий в толпе идеально подходящих особ.

Поверх растрепанной рыжей головы простушки, которую предприимчивая матушка уже усадила на жертвенный стул, Петя встретился взглядом с родительницей и глубоко кивнул, показывая, что запомнил гражданку, приговоренную к большому сюрпризу.

– А? Как тебе?

Едва мы заняли свои места в козырном первом ряду и малышня присосалась к трубочкам кока-кольных стаканов, Ирка оттопырила локоть, демонстрируя мне украсивший ее руку рисунок.

– Шикарно, – понимая, что от меня ждут безумных восторгов, похвалила я. – А чего это тебе вздумалось-то?

– А того, что это была халява! – радостно поведала подружка. – У художницы, оказывается, есть похвальная традиция – каждого десятого клиента она разукрашивает бесплатно. Реклама такая.

– Промоакция, – кивнула я со знанием дела.

– Надо же, как мне повезло! Я только посмотрела на эту самую рисовальщицу, а она вдруг возьми и помани меня пальчиком, – продолжала радоваться подруга. – Конечно, это не совсем по-честному, ведь я вообще-то не собиралась пользоваться данной услугой, но так приятно: такая красота – и бесплатно!

– А что тут написано?

Я присмотрелась к узорам.

Они были крупные, четкие, даже такая слепая курица, как я, каждый завиток разглядит. Но не поймет.

Чтобы я поняла, надо писать кириллицей, латиницей или по-гречески, иных письмен я, увы, не разумею.

– Все бы тебе что-то было написано, – фыркнула Ирка. – Писатель! Просто красивых узоров тебе недостаточно?

– Очень красивые узоры, просто замечательные, – вежливо повторила я, надеясь закрыть этим тему росписи по телу.

На сцену как раз вывели замечательного бегемота, хотелось и на него посмотреть, не только на подружку.

Бегемотов я вижу гораздо реже, чем Ирку, а они тоже очень даже ничего. Хотя и не разрисованы узорами.

Тут мое буйное воображение ловко нарисовало мне бегемота, талантливо расписанного под хохлому.

Я тряхнула головой, прогоняя дивное видение, и воображаемый бегемот сменил раскраску на гжель.

Пришлось несколько раз энергично зажмуриться, чтобы развеять это дивное диво.

– Что у тебя с глазами? – заметив мои гримасы, встревожилась чуткая и заботливая подружка.

– Ослеплены неземной красотой.

Я не уточнила, что речь идет о красе бегемота. Подружка наверняка приревновала бы.

Я уставилась на арену, демонстративно не обращая внимания на Иркины сопение и ерзанье, и вскоре она не выдержала – пожаловалась цветному прожектору под куполом цирка:

– Вот на мне узор из хны, а кому-то хоть бы хны!

– Отличная рифма, – похвалила я, благосклонно разглядывая шествующего по доске гиппопотама.

Отличный оказался гиппопотам!

Ирка немного попыхтела и выдала новый экспромт:

– Я восточная красавица, мне мехенди очень нравится!

– Это заметно хуже, «красавица – нравится» – затерто, как «любовь и кровь», – покрикивала я.

Поэтесса затихла, сосредоточенно сопя. Как сопровождение к зрелищу танцующего бегемота этот звук был идеален.

Я расслабленно улыбнулась.

Люблю все идеальное.

Перфекционизм – это неизлечимо.

– Помоги мне с рифмой, – ворчливо попросила поэтесса.

Меня не пришлось упрашивать:

– Бегемот – ужасный жмот.

– Бегемот сожрал комод! – огрызнулась подружка. – Это не то! У меня восточная тема!

– Так и бегемот не западный.

– В Нил бегемота! Помоги зарифмовать Шехерезаду!

Я покосилась на то, что с ходу идеально рифмовалось с Шехерезадой, и честно предупредила:

– Ты не хочешь это слышать.

– А пооригинальнее ничего не придумаешь? – Ирка легко догадалась о моих банальных ассоциациях. – С задом-то я и сама ее зарифмовала бы, но это некрасиво.

– Смотря какой зад, – тонко польстила я.

Морщинки на Иркином лбу частично разгладились.

И тут распорядитель объявил о выходе иллюзиониста.

Плотный столб слепящего света рухнул из-под купола, как дюжая сосуля с питерской крыши, и интригующе медленно растаял, явив публике одноименного фокусника.

Питер Бург, оказавшийся долговязым юношей в смокинге из серебряной парчи, поднял над блестящим от геля теменем фетровую каскетку и изящно поклонился.

– Так, я не поняла! А где цилиндр? – заволновалась Ирка.

– Какой цилиндр? – не поняла я, почему-то подумав, что речь о каком-то механизме.

– Тот, из которого фокусник будет кролика доставать! – взволнованно объяснила подруга. – Только не говори мне, что кролика вовсе не будет, я жутко разочаруюсь!

Мальцы поддержали мамашу, скандируя:

– Клолик! Клолик!

– Крорик! Крорик!

– Обойдетесь и без клорика, тьфу, кролика, – строго прикрикнула я на горлопанов. – Посмотрите лучше, какая тетя красивая! Ой, а какая у дяди пила блестящая...

– О, он сейчас блестящей пилой красивую тетю распиливать будет! – обрадовалась Ирка, устраиваясь поудобнее.

– Как блевно? – уточнил Манюня, проявляя похвальный интерес к технологическому процессу.

– Да она и есть бревно бревном, запомни, сынок, у таких красивых куколок голова всегда цельнодеревянная, – явно с прицелом на будущее просветила мамаша потомка.

– Ирка, из тебя получится жуткая свекровь, – пробормотала я.

– На заре ты ее не пили! – замурлыкала эта страшная женщина на мотив старинного ромansa. – На заре она сладко так спит...

Иллюзионист тем временем засунул безропотную деву в изящный лакированный гробик и зажигательно располовинил его бензопилой – только искры полетели.

Публика восторженно взвыла.

Очевидно, в зале собралось немало потенциальных и действующих жутких свекровей, а также мужиков, которых регулярно пилили их дамы, за что они втайне жаждали симметрично отомстить.

Потом фокусник поймал клоуна, который успел всех утомить своими ужимками, и в четыре руки с ассистенткой, на состоянии здоровья которой распиливание никак не сказалось, затолкал рыжего в зеркальный куб. Распорядитель любезно принес охапку шпаг, и Питер Бург эффектно, с лязгом, загнал их в куб с бедным клоуном.

– Ничего нового! – перекивая аплодисменты, прокомментировала Ирка. – Все эти трюки стары как античный мир и лично меня совершенно не удивляют, а жаль!

Право, не стоило ей этого говорить.

«Бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться», – говаривали древние китайцы, намекая на ситуации вроде нашей.

– А теперь, дорогие друзья, я продемонстрирую вам чудо чтения мыслей, и поможет мне в этом кто-то из почтенной публики! – провозгласил Питер Бург и вновь снял каскетку.

Фокусник повертел свой головной убор в руках, показывая почтенной публике, что он пуст, и запустил руку в черные фетровые глубины, утонув в них неожиданно глубоко – по плечо. Пару раз дернулся, как будто сопротивляясь тому, что рывками тянуло его в бездонную шляпу, и наконец с победным «Вуаля!» извлек на свет извивающегося белого зверька.

– Это же не кролик! – недоверчиво шурясь, возмутилась моя подружка. – Это же... Ой!

– Это клы-ы-ы-ыса! – восторженно взвыл ребенок рядом со мной.

В отличие от самой Ирки ее детки грызунов не боялись. Бояться надо было их самих – неугомонных юных монстров.

– Спокойствие, только спокойствие, это всего лишь маленький зверек, который не будет контактировать со зрителями! – встревоженно глядя на бледнеющую подругу, зачистила я.

Ага, как же!

– Дабы никто не обвинил меня в предвзятости, участника следующего номера выберет Лариска! – объявил Питер Бург, гад такой, и разжал пальцы, выпуская свою крысу Ларису на волю.

И это подлое и мерзкое голохвостое существо, как будто почувствовав, кто ему тут будет особенно бурно не рад, зловеще пошевелив усами, устремилось прямо к Ирке!

Ну, что сказать?

Представители разных видов искусств во все времена активно разрабатывали тему встречи. Но ни «Прибытие поезда» братьев Люмьер, ни «Ходоки у Ленина» Владимира Серова, ни даже «Торжественная встреча фельдмаршала А. В. Суворова в Милане в апреле 1799 года» Адольфа Иосифовича Шарлеманя и рядом не стояли с перформансом Ирины Максимовой и бесфамильной крысы Ларисы!

– Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень! – ошеломленно прокомментировал мой внутренний голос.

Но и бессмертные пушкинские строки были бессильны передать экспрессию этой встречи.

Неотрывно глядя на приближающуюся крысу, Ирка вскочила и замерла столбом.

Лариска, напротив, ускорила, разбежалась и прыгнула.

– Стоять! – заорала я.

Не крысе – Ирке.

Мне было ясно: если подружка отомрет и побежит, будет сеанс массового травматизма. Проход узкий, сплошь заставленный ногами, а в Ирке больше ста кило живого веса, и помчит она, как раненый слон, не разбирая дороги и не видя преград.

– Не двигайся! – рявкнула я, сцапав подружку за подол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.